

О мерте,
о любви,
о судьбе

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ**

**СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
СВОБОДНА ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЛЮБОВЬ НЕ ПОМНИТ ЗЛА

р о м а н

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Ранее книга выходила под названием
«Трава под снегом»

Колочкова, Вера.

К61 Любовь не помнит зла : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-04-088991-4

В самом страшном сне не приснится то, что случилось в одночасье с Лесей Хрустальной — она не только потеряла близких родственников, но и стала жертвой злой прихоти всемогущего Командора, работодателя мужа. Супруг трусливо обвинил ее и остался служить Командору, а она оказалась выброшенной на улицу без денег, без жилья, с маленьким племянником на руках... Так начались их мытарства, и жизнь не обещала никакого просвета. Стоило ли верить гадалке, которая предсказала Лесе, что ее утраченное счастье вернется, просто потому, что счастье все равно всегда возвращается. И ей, Лесе, как притаившейся траве под снегом, всего лишь нужно дождаться тепла.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2017

© Оформление.

ISBN 978-5-04-088991-4

ООО «Издательство «Э», 2017

— Слушай, отстань, а? Не верю я никаким гаданиям! Да еще и за деньги. Я ж не совсем идиотка, чтобы последнюю копейку за болтовню отдавать. — Леся сердито дернула плечом, отвернулась к мойке, начала яростно скрести металлической губкой по пригоревшему дну сковородки.

Черт, все котлеты из-за этой дуры Ритки спалила! Зачем-то позволила ей затащить себя в гости «буквально на одну минутку», проявила в очередной раз душевную мягкотелость. Нельзя, нельзя Ритке ни в чем уступать, сколько уже было подобных душевных приказов подписано, а толку? Все равно ж зашла и в томительные переговоры вступила с этой дурацкой гадалкой — которую Ритка в гости привела — и блеяла что-то невразумительное, интеллигентское. Извинялась зачем-то. Как будто гадалке так уж важны причины отказа от процедуры насильственного выуживания на свет чужого будущего. Она ж не за «спасибо», а за определенную мзду

ВЕРА КОЛОЧКОВА

его выуживает. Пусть эту мзду Ритка сама за себя и платит, а ей подобные и сомнительные удовольствия не по карману. В общем, так долго отказывалась, что аккурат котлеты успели сгореть. Что ж, сама виновата! Надо было сразу разворачиваться да уходить. Молча. Без извинений и объяснений. Всегда хорошее решение приходит задним числом, тащится хвостом досады за уже содеянным. А Ритка, дурища, еще и в кухню за ней притащилась: встала за спиной и теперь к совести ее женской взывает. Интересно, совесть-то тут при чем?

— Леськ, будь человеком... Жалко тебе, что ли? Чего ты отказываешься? Она ж недорого берет. Неужели тебе совсем неинтересно, что с тобой дальше будет?

— Нет, вообще-то мне интересно, конечно, только дорого. Ты где эту Матильду откопала, Рит? Да еще и домой ее привела...

— Да бог с тобой, Леська! — Выпучив глаза, Ритка воровато оглянулась на дверь комнаты, прошептала с жаром: — Ты что! Это же замечательная гадалка. И никакая она не Матильда, ее Мирославой зовут. Она же та самая. Которую по телевизору показывают. Ну, которая ночную передачу ведет. Как ее?..

— «Уроки судьбы»? — подсказала Леся, продолжая с остервенением драить сковородку.

Любовь не помнит зла

— Точно... «Уроки судьбы». А ты что, тоже эту передачу смотришь?

— Нет. Не смотрю. Видела один раз, когда Илья с температурой под сорок лежал, а я уснуть боялась. Там она вроде посимпатичнее была и улыбалась очень уж душевно, даже помурлыкать хотелось в экран. А к тебе в гости совсем другая приперлась. Облезлая, старая и злая, и в каждом глазу по пятьдесят долларов светится. В итоге сто получается.

— Так там же, на телевидении, им грим накладывают, прежде чем перед камерой посадить. А что, тебя только ее внешность смущает?

— Да ничего меня не смущает. Отстань, а? Видишь, из-за тебя мы с Илькой без ужина остались? Все котлеты сгорели! Теперь придется в магазин идти.

Вздыхнув, Рита шагнула к холодильнику, вытащила из морозилки упаковку сосисок, в сердцах бухнула на кухонный стол. Звук получился сердитый, холодный и глухой.

Леся вздрогнула, обернулась от мойки:

— Ты чего там буянишь, Рит?

— Твой Илья сосиски больше любит, я знаю. Так что фиг с ними, с котлетами. Считай, что вопрос с ужином снят. Ну пошли?

— Отстань. Никуда я не пойду.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Имей совесть, Леська! Понимаешь, я ей обещала, что еще кого-нибудь приведу. Она бы из-за меня одной ни за что не пошла! Выручи, Лесь...

— Рит, ну не могу я! Не понимаешь, что ли? Откуда у меня лишних сто долларов? Я тебе за комнату триста плачу, а зарплата у меня — сама знаешь...

— Ладно, хрен с тобой. Уговорила. Пусть будет сто долларов в счет квартплаты. Вместо трехсот отдашь двести.

— Да я ж не к тому...

— А я к тому! Хватит со сковородкой обниматься, пошли уже!

Сбитая с толку таким поворотом событий, Леся легко позволила Ритке оттащить ее от мойки и впихнуть в дверь гостиной. Гадалка Мирослава, растекшись грузным телом по Риткиному дивану, мирно закусывала чем бог послал. Неплохо послал, кстати. Прямиком из Риткиного холодильника. Та всегда вкусную еду про запас держит. Стратегический гостевой пакет, в котором имеют место быть и крабы, и красная икра, и всякие игрушечные баночки с такими же игрушечными огурчиками-помидорчиками.

Кокетливо утерев уголки напомаженного рта большим и указательным пальцем, гадалка дожевала деликатесную вкусноту, сделала по-

Любовь не помнит зла

следний контрольный глоток, потом приказала Ритке сурово:

— Убери все со стола, чтоб ничего, чтоб ни крошечки не осталось.

Потом, развернувшись толстым животом к Лесе, кивнула одобрительно:

— Хорошо, что ты все-таки надумала. На меня еще никто не жаловался. Слушай, что говорить буду, и верь. Я и без карт уже вижу, что плохого за тобой нет. Чистая ты до убогости, потому и обиженная.

— В смысле — до убогости? Вы что имее-те в виду? — подняла на нее удивленные глаза Леся. — Вы хотите сказать, что я глупая, да? Или больная-нищая?

— Хм... Почему сразу глупая? Я наоборот, я в хорошем смысле. А ты думаешь, убогими одни только глупые да нищие бывают? Как бы не так... Убогий — это который рядом с богом.

Вздохнув, она извлекла невесть откуда, как фокусник, старую колоду карт, сосредоточилась на секунду и, дрогнув полными щеками, начала ловко выкидывать их по одной на стол. Карты плюхались тяжело рубашками вниз, как масляные холодные оладьи, и Мирослава вглядывалась в них сосредоточенно, сурово сведя широкие брови к переносью. Леся тоже начала вглядываться, придав лицу выражение заинте-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ресованности, будто и впрямь что-то понимала в этом действе. Хотя, как она подозревала, ничего особенного в этом гадании и не было. Они в детстве с девчонками тоже, бывало, на картах гадали и присваивали выпавшим на круг королям имена знакомых мальчишек. Сережка из шестого «Б» — крестовый король, а Дениска из седьмого «А» пусть уж, так и быть, червовым будет... В данный момент, как она ни вглядывалась, ни одного короля в Мирославиных руках так и не промелькнуло. Ни бубнового, ни крестового, ни захудалого червового. Дамы были в полном составе, а королей — хоть шаром покати. Зря только Ритка пожертвовала на нее сотню долларов. Лучше б деньгами отдала. Можно было бы Ильке новые ботинки на зиму купить. А так...

О господи! Стоило ей подумать только, и короли эти тут как тут явились! И бубновый, и пиковый выпали, сложились рядышком. Что ж, интересно. Пожалуй, стоит послушать, коли такой разврат пошел.

— Тяжело живешь, вижу, с трудом свою лямку тянешь. Чужое дитя воспитываешь, — монотонно проговорила Мирослава и замолчала, задумавшись.

Леся хмыкнула про себя, но снаружи недоверия не выказала. Ладно, пусть дальше чешет.

Любовь не помнит зла

Послушаем. А про трудную жизнь, лямку и чужое дитя гадалка Мирослава могла и от Ритки узнать. Хотя какой Илька чужой? Он не чужой, он племянник.

— ...Все у тебя было раньше. Как по писаному было. А потом ничего не стало. Коришь себя да проклинаешь, а только не виноватая ты. Злодей пиковый в твоих бедах виноват. А ты — нет, ты душой чистая. Хоть и была в одержимости, а душенька чистой осталась.

Мирослава поджала губы, нахмурила лоб. Потом долго еще смотрела в раскинутые по столу карты, кивала медленно и многозначительно, будто готовясь произнести самое важное. Наконец выдала оптимистической скороговоркой:

— А знаешь, все у тебя снова будет, милая! То же самое тебе на второй круг падает. И утерянное вернется, и даже больше вернется, чем думаешь. Через пикового злодея и вернется. Хотя нет, не через него, пожалуй... Пусть он и рядом. Через чужое дитя вернется. Ты просто потерпи, милая. Холодно тебе, а ты терпи. Живи, как трава под снегом, и терпи! Пригнись. Видела, как майский снег на траву падает? Какая травинка затихла и пригнулась, та и выживает. И ты жди. Чужое дитя тебя к светлому теплу приведет.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Это что значит? Она снова замуж выйдет, что ли? — ревниво подала голос со своего места Ритка.

— Так на то воля злодея будет... Хорошая воля. Да и злодей не злодеем обернется... — лукаво глянула на нее Мирослава и коротко пожала плечами: чего, мол, тут непонятного. И для достоверности ткнула пальцем в самую сердцевину карточного расклада и постучала острым ногтем по замасленному лицу пикового короля. — Видишь, рядом с ним десятка пик легла? Ну вот. А в ногах — бубновая жизнь...

— Хм... Ничего не поняла! — капризно переспросила Ритка, внимательно вглядываясь в карточный круг. — Это что значит, Мирослава? Про злодея-то? Странно даже. Какой же он злодей получается, если по его воле Леська таки мужика себе найдет? Всем бы такую злодейскую волю! А мне, значит, ни злодея, ни мужика самого заваливающего не выпало... Так, что ли?

— А у всех судьба разная, милая. Ты в прибытке живешь, и бога благодари. А ее снегом обсыпало. Ступаешь — и больно.

— Кому? Кому больно? — с тихим раздражением переспросила Ритка, подняв тяжелые глаза на гадалку.

— Так траве... Той, которая под снегом...

Леся сидела, стараясь не вслушиваться в эту

Любовь не помнит зла

галиматью. Для того хотя бы, чтоб не заплакать. Потому что очень уж лихо Мирослава относительно травы под снегом высказалась, не убавишь и не прибавишь. А остальное — чушь собачья. Про светлое тепло, про злодея. Особенно про хорошую волю этого злодея, которая должна для нее семейное счастье определить. Ага, сейчас. Больше этому злодею делать нечего, как о ее счастье заботиться. Чего-то напуталось в этом месте у гадалки Мирославы, точно напуталось. Карты не так легли. И Риткино раздражение совершенно напрасно изливается досадливой завистью. Что ж, ее тоже можно понять — зря за гадание платила? За то платила, чтобы вызнать все про чужого злодея, который ее жиличке прекрасное семейное будущее обеспечивает? Нет, ну точно, галиматья.

— Все, больше гадать некому, Рита? Желающих больше нет? — деловито собрала со стола карты Мирослава и быстро глянула на Лесю ждущими алчными глазами. Чего расселась, мол, деньги давай.

— Леськ, неси свои сто долларов! — на лету подхватила Мирославину алчность Ритка. — Чего сидишь, уши развесила? Еще одного короля ждешь?

— Так мы же вроде... — предприняла Лесья попытку напомнить ей о давешних благородных

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зачетных соглашениях, но тут же и осеклась. Чего это она, в самом деле? Ритку не знает, что ли?

— Ага, размечталась! А вот этого не хочешь? — с готовностью выставила Ритка перед ее носом фигу. Фига получилась очень выразительная, с багровым идеальным ногтем, с нервно двигающейся туда-сюда фалангой большого пальца. Произведение искусства, а не фигу. Леся отодвинула от нее на всякий случай лицо, покачала головой то ли обреченно, то ли с пониманием. А может, и так и этак. А что, бывает же. Особенно если человек живет себе слабой травой, мерзнет под снегом. И ничего ему не остается делать, кроме как заниматься пониманием да обречением перед каждой самоуверенной фигурой.

— Ты, значит, будешь вся при мужиках да при злодеях, а я за это платить должна? — пояснила свою позицию Ритка. — Мне, значит, пусто, а тебе густо? Так, что ли? Крутой бульон из-под яиц получается?

— Да ерунда это все, Рит... — начала было оправдываться Леся, но тут же осеклась, заметив обиженное лицо Мирославы. Хотя не столь оно было обиженным, сколько грустно насмешливым. Тяжело поднявшись с дивана, она произнесла тихо, поправляя складки черной атлас-

Любовь не помнит зла

ной блузки-разлетайки, плавно переходящей в широкую с вензелями и блестками юбку:

— Да заплати, заплати, не жалея. Потом вспомнишь, что я тебе сказала, и благодарна мне будешь.

— Хорошо. Я сейчас принесу, — покорно поднялась из кресла Леся. — Спасибо вам.

— Спасибо за гадание не говорят. Ты пойми, совсем не брать я тоже не могу... Знаю, что последнее отбираю, а не могу. Я ж не целительница, я гадалка. Да и вернется тебе, сто раз вернется.

Стодолларовая бумажка была и впрямь последней — лежала в дальнем отделении кошелька, заныканная от своих же глаз. Не то чтобы тупо впрок, а так, просто на всякое «вдруг». Непредвиденное, пугающее. Хотя как может защитить от этого непредвиденного и пугающего жалкая стодолларовая бумажка? Разве что символически, одним фактом присутствия в дальнем отделении кошелька. А раз так, то и бог с ней. Хотя лучше было бы Ильке новые зимние ботинки купить.

Мирослава ждала Лесю в прихожей, уже одетая в короткую норковую шубейку. Молча вытянув из Лесиной руки заветную купюру, Мирослава тут же сунула ее в карман и шагнула за порог, не попрощавшись. Шибануло в нос